

NEW CONCEPT OF THE ORIGIN OF THE ETHNONYM *POLACY* (HISTORICAL-ETYMOLOGICAL ASPECT)

Summary

Problem. Most works consider the ethnonyms *Polacy* / *Polyane* in the primary meaning of 'habitants of the fields'. However, the results of modern studies allow a deeper examination of the origin of the ethnonym *Polacy* and discovery of its other motivation.

Research motion. This article considers the followings positions: (1) the underlying viewpoint is the convergent development of peoples, pursuant to which the Polish ethnos was formed on the basis of territorial and gentile closeness of specific tribes whose name originates from the root PS **pol-*; (2) in the 1st century AD these slavic tribes inhabited the banks of the *Vistula*, this being confirmed by its name *Wi-sla*, *Wi-skla* that has ancient formants of *Sla-*, *Skla-* with the meaning 'slavic (river)'; (3) the meaning 'field' is secondary in the root **pol-*, originating from the IE **k^wel-* 'ploughmen' influenced by the Trypillan substrate.

Results. The ethnonyms *Polacy* / *Polyane* initially correlated with the meaning 'ploughmen', but not 'field', although both concepts originated from one root PS **pol-*.

Key words: ethnonyms *Polacy* / *Polyane*, convergent development of peoples, hydronyms *Visla* / *Viskla*, ethnonyms *Slavyane* / *Sklaviny*, root PS **pol-* 'field', root IE **k^wel-* 'ploughmen'.

Надійшла до редакції 3.02.2015 р.

УДК 811.161.1:81'37

Н. П. Тропина,

доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания
Херсонского государственного университета,
ул. 40 лет Октября, 27, г. Херсон, 73000, Украина,
тел. : (0552) 32-67-58

АРХАИЧНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ МИРОВОСПРИЯТИЯ И НОВОЕ В МЕТАФОРИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ ТЕРМИНАМИ РОДСТВА

В статье рассматривается использование современным русским языком в качестве основы для метафорической номинации древнего антропоморфного стереотипа мировосприятия. Подчеркивается, что древний стереотип

„очеловечивания” всего окружающего сохранился у современного человека: на его основе продолжают возникать новые метафорические номинации, более того, круг возможных антропоморфных номинаций расширился.

Ключевые слова: коллективное бессознательное, стереотипы мировосприятия, метафорическая номинация.

Метафоричность языка относится к языковым универсалиям. И языковая, и речевая номинация обращаются к метафоре как средству номинации столь часто, что это дает основания полагать, что метафоричность мировосприятия и мышления являются базовыми свойствами когнитивно-языковой обработки действительности [10; 2; 8]. Существуют различные подходы к моделированию метафоры, разработанные как отечественными, так и зарубежными лингвистами; они систематизированы и детально описаны в работах В. Н. Телии [12], в коллективной монографии „Теория метафоры” [13] и др., поэтому нет нужды вновь возвращаться к их описанию и анализу. Как нам представляется, важны не отличия в моделях, предлагаемых учеными различных направлений, а интегрирующая все модели главная идея, высказанная еще Аристотелем в „Поэтике” около двух тысяч лет назад, на заре изучения метафоры (тогда – еще как художественного тропа): „Слагать хорошие метафоры – значит подмечать сходство” [1, с. 68], идея о том, что в основе возможности номинировать метафорически лежит когнитивное действие *сравнения, сопоставления, сталкивания*. Как бы взгляды исследователей на метафору ни различались, все они учитывают это свойство метафорической номинации. Нам представляется важным учитывать при моделировании метафорической номинации гипотезу о том, что в ономаσιологических процессах „задействовано” коллективное подсознание носителей языка, которое в современной психологии и сопряженных с ней ответвлениях лингвистики (психолингвистике, когнитивной лингвистике) принято называть *коллективным бессознательным* [16].

Физиологи и психологи считают коллективное бессознательное неотъемлемой частью коллективного образа мира. В основе мировидения и мировосприятия каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. В процессе исторического развития этноса образ мира, по мнению психологов и лингвопсихологов, „может меняться, но неизменными остаются принадлежащие коллективному бессознательному структу-

рообразующие элементы этнического бессознательного – этнические константы” [15, с. 208]. „Система этнических констант и является той призмой, сквозь которую человек смотрит на мир” [15, с. 228]. В основе этих констант лежат стереотипы (архетипы) восприятия, свойственные членам этноса и усваиваемые индивидами в процессе социализации. Роль языка в этом процессе беспрецедентна: язык сохраняет стереотипы этноса и константы национальной культуры.

Номинация метафорического типа протекает не хаотично, а на основе стереотипов мировосприятия, характерных для этноса. Определенные стереотипы мировосприятия порождают архетипы метафорической номинации: у этноса существуют модели возможных сравнений, сопоставлений, в рамках этих моделей и осуществляется метафорическая номинация, или, в терминологии семасиологии, протекает процесс семантической деривации метафорического типа. Г. Пауль отмечал: „В выборе метафорического выражения проявляются различия индивидуальных интересов, а из совокупности метафор, ставших в языке узуальными, можно видеть, какие интересы преобладают в народе” [11, с. 114 и сл.]. Это свойство – отражать индивидуальные, национальные и общечеловеческие черты мировосприятия – отмечают также К. Бюлер [4] и Г. Гак [5].

К древним стереотипам мировосприятия относится восприятие всего сущего как живого. Воспринимать как живое и олицетворять окружающее присуще не только древнему человеку. Так, психологами отмечено, что современные, вполне цивилизованные люди подвержены искушению подсознательно воспринимать те объекты окружающего, с которыми они тесно „сотрудничают”, как живые: „...сознание человека спонтанно стремится к одухотворению, анимации всех объектов, с которыми он контактирует. Оно наделяет животных и растения, неодушевленные предметы и отвлеченные (высокоабстрактные) понятия человеческими свойствами – сознанием, мыслями, чувствами, волей (антропоморфизм). Так, скрипач олицетворяет (персонифицирует) свою скрипку, программист – компьютер. Средневековые рыцари одушевляли свой меч, моряки парусного флота – корабль” [6, с. 45].

На этом древнем стереотипе мировосприятия основаны метафорические переносы в направлении *неживое > живое* и в обратном *живое > неживое*, ср.: *природа спит, природа проснулась; море, степь волнуются, дождь и снег идут*, но в противовес этому человек

и его *душа* могут *окаменеть*, *руки*, *ноги*, *тело* могут *деревенеть* и т.п. Эти архетипы метафоризации, выделенные и описанные в античный период развития языкознания в рамках поэтики как риторические приемы Марком Фобием Квинтилианом, продолжают выделяться, детализироваться и описываться в новое время во множестве работ в рамках интерпретации художественного текста.

Стереотип восприятия *неживое – живое* реализуется как антропо- и зооморфизм. В ряде случаев наблюдается нейтрализация признака „лицо” – „животное”: есть свойства, присущие всему биологически живому, и эти свойства могут служить основой метафорической номинации – *болеть*, *спать*, *дышать* и подобное может и животное, и человек, соответственно в морфологическом деривате снимается оппозиция антропо- и зооморфизма (ср. классические строки: „*Уж небо осенью дышало...*”, – что это? антропоморфизм? зооморфизм?). Современный человек склонен к такому мировосприятию и соответствующей ему метафоризации не только как к художественному тропу, но и как номинативному средству. И в обиходных ситуациях, и при публичной коммуникации он обращается к номинациям (как узуальным, так и ситуативным, речевым), основанным на таком мировосприятии. Ср. следующие наблюдения: Ситуация (1), частная коммуникация: на даче одна соседка (около 50 лет, образование среднее техническое) обращает внимание другой на то, как от жары и засухи поник даже неприхотливый барвинок: „*Смотри, у Антоновны даже барвинок завял, уши опустил. И цвет какой-то не такой*”. – Запись 30.07.2002. Ситуация (2), частная коммуникация: задымился при включении телевизор, присутствующие обсуждают причину, дочка хозяйки (22 года, образование высшее, филолог) подводит итог: „*Сдох и кинескоп и телевизор*”. – Запись 2.08.2002. Ситуация (3), публичная телевизионная коммуникация: моторист (средних лет) попавшего в руки пиратов судна рассказывает на телепередаче „Без табу” о злоключениях экипажа и их причинах: „*Мотор был, как говорится, больной, поддува не было*”. – ТВ, „1+1”, „Без табу”, 12.03.2002. Ситуация (4), публичная газетная коммуникация, заметка посвящена злоупотреблениям областной налоговой инспекции: „*Заводские счета арестовывали сами налоговики, по причине огромных налоговых задолженностей. Деньги, поступающие на реанимированные счета, предприятия тратили на свои нужды*”. – „Гривна”, 23.05.2002. Ситуация (5), публичная журнальная коммуникация, посвящена перспективам развития энер-

гетики, название раздела статьи – *„Первые попытки „приручить” метангидрат”*: *„Уже сказано, что месторождение метанового льда встречается в тех местах океана, где океанское дно ныряет под континент”*. – „Наука и жизнь”, 2000, № 9.

Разновидностью архаичного мировосприятия является антропоцентричность и антропометричность: человек мыслится как центр мироздания, является своеобразной „точкой отсчета” при номинации, окружающий мир воспринимается как подобный человеку и как соразмерный ему. Введение понятий антропоцентричности и антропометричности в широкий лингвистический обиход прочно связано с именами А. Вежбицкой и В. Н. Телии. Ранее на свойство „очеловечивать” – приписывать человеческие свойства и качества окружающему миру, т.е. на антропоморфизм – указывал при изучении метафоры С. Ульман и относил тип метафор, основанных на таком мировосприятии, к немногим „панхроническим”, т.е. свойственным всем языкам на всей протяженности человеческой истории [14]. Ср., например, описание антропоморфных номинаций во французском языке В. Г. Гака [5], исследования антропоморфных (анатомических) номинаций в македонском языке Н. Богданович [3].

Феномен антропоморфизации природы, артефактов, созданных человеком, отвлеченных понятий коренится в человеческой психике. „Связи между человеком и предметом протосоциальны по своему характеру” [17, с. 13]. Восприятие рукотворных вещей („второй природы”) как живых, подобных человеку, как „партнеров по общению” психологи называют эффектом Пигмалиона: „...вещи при общении оживают” [17, с. 25]. Еще раз подчеркнем, что одухотворять, персонифицировать внешний естественный и рукотворный мир, свою духовную жизнь, „приписывая” им человеческие качества, свойственно отнюдь не только поэзии (*„А я всю ночь веду переговоры С неукротимой совестью своей”*. – А. Ахматова), но и „обыденному” языку: *„Довольно серьезным изменениям подверглась внешность автомобиля”*. – „Московский комсомолец”, 29.11.2000 – 6.12.2001.

Этот стереотип мировосприятия реализуется как антропоморфный архетип метафоризации (как языковой, узуальной, так и речевой, ситуативной, индивидуально-авторской, художественной). Результатом реализации этого древнего архетипа является множество „стертых”, „сухих”, „привычных” языковых метафор, которыми изобилует язык и с помощью которых номинируются природные объекты, их свойства

и качества: *подножие горы, жерло (горло) вулкана, устье (уста) реки, рукав реки, десна и шюя (правая и левая руки), злой мороз, лютая зима, природа спит / проснулась, вьюга злится.*

Вторичная антропоморфная номинация охватывает не только природные объекты, но распространяется на созданный человеком вещный мир. При этом в качестве номинантов-имен используются названия частей человеческого тела, имена чисто человеческих атрибутов, например, одежды и ее частей: *нос корабля, ручка чайника, ножка стола, горло бутылки, шейка кувшина, фартук станка, кожух доменной печи, шляпка гвоздя* и т.д.

Современный русский язык продолжает в настоящее время использовать этот архетип семантической деривации. На его основании появляются новые узуальные, кодифицированные словарями и справочниками номинации: *материнское и дочернее предприятие, разуть и обуть машину, шины стали лысыми, танк раздели* и др. Технический, социальный, духовный миры уподобляются в таких инновациях человеку: компьютеры обладают *памятью, считают* информацию, которую можно убрать в *карман*, общество *болеет*, идеи *реанимируют* и др.

„Банком русских неологизмов” [7] зафиксировано около 50 антропоморфных семантических инноваций (примерно на 1000 лексических единиц), однако реально в речевой номинации круг реализации антропоморфного стереотипа мировосприятия и соответственного ему архетипа семантической деривации шире, что можно объяснить активным состоянием антропоморфного стереотипа мировосприятия этноса. Покажем это на примере использования современным русским языком при метафорической номинации терминов родства.

Традиционно термины родства (*отец, мать, дочь (дочка), сын, сынок, дядя, тетя*) используются русским языком в переносных значениях в бытовых и близким к ним сферах общения для обозначения лиц по возрастному признаку, обычно в просторечных обращениях (что находит отражение и в художественных текстах): „*Скажи-ка, дядя, ведь недаром, Москва, спаленная пожаром, французам отдана...*”, „*Помоги, сынок, поднять чемодан*”; также – для номинации тех, кто заботится о других (*отцы города, она мне как мать*); термины *мать* и *отец* могут обозначать родственные отношения в животном и растительном мире; в поэтической речи *мать* служит постоянным эпитетом (*мать-земля, Родина-мать*).

В современном русском языке круг использования терминов родства расширился, они стали применяться для обозначения иерархических отношений, отношений зависимости, производности в вещном мире и в социальной сфере. Метафорические инновации с этим значением образуются как непосредственно от терминов родства, так и на основе метафоризации прилагательных, образованных от терминов родства (*дочерний* и *материнский*). Это может быть зависимость между предприятиями, учреждениями или, как свойственно выражаться в новейшее время, между различными структурами. Ср.: *„Материнский „Альфа-банк”, не разглашая информации о происшествии в июне 2001 г., попросту сместил руководство украинской „дочки”*. – „Деловая столица”, 7.04.2003. *„Как сказал директор дочернего предприятия „ГАЗ „Титан” в городе Киеве Александр Скрипник, вложение средств в разработку и освоение новых месторождений – довольно длительный процесс”*. – „Украинская инвестиционная газета”, 19.05.02. *Теперь торговые операции с золотом, нефтепродуктами и газовым конденсатом, проводящиеся на УМВБ, станут прерогативой вновь созданной „дочки”*. – „Финансы & компании”, 28. 05. 2002.

Термины родства могут использоваться также для обозначения отношений образования, производности при протекании разного рода процессов и образовании веществ (что образуется из чего): *„Наибольшую опасность представляют три класса химических онкогенных стимуляторов: полициклические ароматические углеводы, их индикаторный показатель без/а/пирин, нитрозамины и тяжелые металлы. Примечательно, что у всех этих вредоносных веществ одни „родители”*. – „Зеркало недели”, 8.03.2002.

При номинации поступательного движения технического прогресса язык также обращается к антропоморфной метафоре, осуществляющей перенос из сфер обозначения людей одного возраста, живущих в одно время, на технические устройства одной степени совершенства, поступательно сменяющие использовавшиеся ранее, технически устаревшие: *„Стремительный уровень урбанизации города требует соответственного развития коммуникационных систем. Основные надежды возлагаются на высокочастотные и высококачественные цифровые АТС нового поколения”*. – „Украинская инвестиционная газета”, 19.06.02. *Довольно серьезным изменениям подверглась внешность автомобиля. Дизайн новинки выполнен*

в современном стиле, при этом сохранил черты и пропорции предыдущих **поколений**". – „Московский комсомолец”, 29.11.2000 – 6.12.2001. В рамках этого архетипа метафорической деривации однотипные, серийные механизмы или иные однотипные артефакты, а также естественные объекты образуют *семейства*: „Далее мы продемонстрируем, как можно сделать работу за компьютером более эффективной, на примере текстового процессора Word – 2000 – самого распространенного приложения *семейства* MS Office 2000”. – „Наука и жизнь”, 2000, № 10.

Таким образом, помимо зафиксированных словарями в переносном употреблении метафорических дериватов от терминов родства (*материнский, дочерний*), в круг метафорической номинации втягиваются лексемы *родители, поколение, семейство, дочка*. Термины родства получили в современном русском языке возможность номинировать нечто производящее, основное, базисное (*материнское предприятие, родители*), нечто производное, отделившееся от основного, существовавшего первоначально, ранее (*дочерняя фирма, дочка*), нечто, стоящее на одной ступени развития, прогресса – более новое, прогрессивное (*новое поколение машин*), или же наоборот, нечто устаревшее (*предыдущее поколение компьютеров*), серии однотипных артефактов номинируются как *семейство (компьютеров)*; имеющие одно происхождение объекты (часто – природные) тоже могут номинироваться как *семейство, семья (планет)*.

Особняком стоит лексема *дед*, здесь язык продолжает предыдущую языковую традицию использовать термины родства для называния лиц по признаку возраста, опытности. Лексема используется в профессиональном жаргоне моряков для номинации старших механиков на судах: „У Шуры муж моряк, он *дедом* ходит уже лет пятнадцать”. – Запись 1998; как армейский жаргонизм лексема номинирует солдата, заканчивающего срочную службу в армии (ср. производное от него слово *дедовщина* „неуставные отношения в армии”).

Таким образом, можно констатировать, что древний стереотип „очеловечивания” всего окружающего сохранился у современного человека: на его основе продолжают возникать новые метафорические номинации, более того, круг возможных антропоморфных номинаций расширился. К сожалению, рамки статьи не дают возможность осветить другие модели метафорической номинации на основе

архаичного антропоморфного стереотипа мировосприятия (*Днепр серьезно болен, судозавод оживет этим летом, реанимировать экономику*), представляющие интерес для дальнейших исследований, к которым относятся метафорические инновации на основе человеческих качеств, состояний, действий, жизни и смерти, здоровья и болезни, которые могут „приписываться” природным объектам, артефактам, обществу и общественным процессам.

Список использованной литературы

1. Аристотель. Поэтика. Об искусстве поэзии // Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск : Литература, 1998. – С. 1064–1112.
2. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора // Н. Д. Арутюнова. Язык и мир человека. – М. : „Языки русской культуры”, 1998. – С. 346–370.
3. Богдановић Д. Анатомска лексика у Македонској географској терминологији / Д. Богдановић // Ужнословенски филолог. – Београд. – 2000. – LVI / 1–2. – С. 55–81.
4. Бюлер К. Теория языка. Регулятивная функция языка / К. Бюлер. – М. : Издательская группа „Прогресс”, 2000. – 502 с.
5. Гак В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : „Языки русской культуры”, 1998. – 768 с.
6. Донской Д. Д. Основы антропоцентрической биомеханики (методология, теория, практика) / Д. Д. Донской, С. В. Дмитриев. – Н. Новгород, 1993. – 215 с.
7. Котелова Н. З. Банк русских неологизмов / Н. З. Котелова // Новые слова и словари новых слов. – Л. : Наука, 1983. – С. 158–222.
8. Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 387–415.
9. Лурье С. В. Историческая этнология / С. В. Лурье. – М. : Аспект-Пресс, 1998. – 446 с.
10. Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1988. – 276 с.
11. Пауль Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 501 с.
12. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании русской языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 173–204.
13. Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – М. : Наука, 1990. – 512 с.
14. Ульман С. Семантические универсалии / С. Ульман // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 5. Языковые универсалии. – М. : Радуга, 1970. – С. 250–293.

15. Уфимцева Н. В. Языковое сознание и образ мира славян / Н. В. Уфимцева // Языковое сознание и образ мира. Сб. статей; отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М. : РАН ИЯ, 2000. – С. 207–219.
16. Юнг К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. – М. : Ренесанс, 1991. – 304 с.
17. Humphrey N. K. The social function of intellect / N. K. Humphrey // Machiavellian intelligence / Ed. by R.W. Byrne, F. Whiten. – Oxford, 1988. – P. 13–26.

Н. П. Тропіна

АРХАЇЧНІ СТЕРЕОТИПИ СВІТОСПРИЙНЯТТЯ І НОВЕ В МЕТАФОРИЧНІЙ НОМІНАЦІЇ ТЕРМІНАМИ СПОРІДНЕНОСТІ

У статті розглянуто використання сучасною російською мовою стародавнього антропоморфного стереотипу світобачення як підгрунтя метафоричної номінації. Наголошено, що стародавній стереотип „олюднення” усього, що оточує людину, зберігся: на його основі продовжують виникати нові метафоричні номінації, більше того, коло можливих антропоморфних номінацій розширилося.

Ключові слова: колективне підсвідоме, стереотипи світобачення, метафорична номінація.

N. P. Tropina,

Doctor of Philology, Professor,
Chair of Russian Language and General Linguistics Department,
Kherson State University,
27, 40 rokiv Zhovtnya St., Kherson, 73000, Ukraine,
tel. : (0552) 32-67-58

ARCHAIC STEREOTYPES OF PERCEPTION OF THE WORLD AND NEW IN A METAPHORICAL NAMING WITH THE TERMS OF COGNATION

The article deals with metaphorical naming of ancient anthropomorphic stereotype of perception of the world in modern Russian. It is possible to state that the ancient stereotype of „become a human being” was saved for a modern man: on this basis new metaphorical names continue to appear, moreover, the circle of possible anthropomorphic names has broadened.

Key words: collective unconscious, stereotypes of perception of the world, metaphorical naming.

Надійшла до редакції 20.11.2014 р.